

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХУШ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1983-1984

Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1985

Анвар Кадир Мухамед

СТИХИ ЖЕНЕ -
ЛИРИЧЕСКИЙ ЦИКЛ В ТВОРЧЕСТВЕ КУРДСКОГО ПОЭТА
МАУЛАВИ (1806-1882)

Маулави, крупнейший поэт, писавший на диалекте горани, смело вышел за круг лирических тем, традиционных для курдской классики. Он первым внес в курдскую поэзию тему любви к жене.

Маулави посвятил жене - Анбар-хатун - II стихотворений (общей сложностью 86 бейтов), 10 из которых вошли в его диван.^I

Сведений об Анбар-хатун мало. Известно только, что она афганка: семья ее пришла из Афганистана и осела на родине Маулави - в области Халабджа в Иракском Курдистане. Анбар-хатун принадлежала к крупному духовному роду. Ее родители отказали многим сватавшимся к дочери женихам, остановив свой выбор на Маулави. Из стихов Маулави, посвященных жене, встает вся история его любви. Глубокое чувство к Анбар-хатун прошло через всю жизнь поэта.

Два первых стихотворения - это пора счастливой любви. Эпизоду первой встречи с молодой девушкой посвящен дубейт, окрашенный светлым чувством зарождающейся любви:

هالۆ خالۆتێن کەم وایم خالۆ خالۆ دەم وە بان خالۆتێ خالۆ
شەرت بۆ من مە داخ خالۆ خالۆتێ وێم کە روو وە کۆر چۆر دە جالۆتێ نو

Ты назвала меня "дядя"... Не называй меня так!

Ах, коснуться бы мне губами твоих прелестных родинок!

Ты говоришь мне "дядя" -

Клянусь, я превращусь от досады в юношу четырнадцати лет!

/Д- 202/

Фард - двустихие, которым поэт запечатлел развитие чувства:

تا وە زۆلفە مە رووی تو تە ما شەوان ئە دە ئەمای فەرزە صۆج دە عیاشەوان

Пока вижу лицо твое [светлое как утро] и кудри [темные как
ночь],

Я словно творю намаз с зари до поздней ночи.

/Д - 137/

Остальные девять стихотворений - один фард и восемь газелей - элегии на смерть жены. Смерть Анбар-хатун была одной из самых тя-

жельх утрат, понесенных Маулави в жизни: почти треть из написанных им траурных элегий (9 из 28) оплакивают кончину жены.

Момент смерти Анбар-хатун запечатлен в фарде. Стихи лаконичны как горестное восклицание:

قازان قه تاران تولدگان همراي
همرین با لذکت شو وه ته نیای

Казаны [с водой для омовения] стоят в ряд, кирка [роющая могилу], мелькает в воздухе...

О, горе! Твой нежный стан теперь по ночам пребывает в одиночестве!²

Вскоре после погребения написаны две газели - плач по покинувшему поэта другу. Газели "Ранняя весна этого года" (в 7 бейтов) и "О душа моя, опьяненная вином любви" (в 26 бейтов), сходны по логической структуре, по развитию лирического настроения. В них различаются две тематические части. Начальные строки обеих газелей - безысходная тоска. Чувство скорби у свежей могилы поражает реалистичностью красок и силой эмоционального воздействия:

دلای دل وه مهی سایی لیلی کلیل
لانه هلقه ی زولفت عنبر روی شو روه گیل
مه حرم وه پازان هم لوت خانای لیل
هام ده م جای ته گنگ هم کله درای هم گیل
ته رهبری حالتی چه شیوی، چه ستمه
هم روانی مزار شو نوات واجتمه

О душа моя, опьяненная вином любви к Лейли,
Ты познала тайны, скрытые в ее могиле.
Ты, свившая себе гнездо в черных благоуханных кудрях
любимой,

Неразлучна с ней в ее каменном пристанище.
Подобно мотыльку, ты кружишь над могилой моей желанной,
Как весть о моем горе.

/Д - 205/

یئمال نه وه هار چون خزان هررد
مشیو تالی من خیلان شه گیلتر بو
برگش وه در باغ (مه حرم) بهر دپی هررد
وه رنه، که س، کی دی، وه هار گوئن پیر بو؟

Ранняя весна этого года похожа на холодную осень,
Уносит в горы лепестки роз из сада Ма'дума.³
Должно быть, счастье мое в чем-то провинилось,
Иначе - кто и когда видел? - чтобы весной цветы осыпались.

/Д - 45, 46/

Вторая часть - как в первой, так и во второй газели - стремление найти жизненную опору в сознании непреложности извечного закона человеческого существования. "О, Ма'дум, - говорит, обра-

щаясь к себе, поэт, - смерть приходит и смыкает своей волной /гранно/ и мудреца и невежду... Зачем же ты сковал ноги цепью горя? Пристало ли разумному терять рассудок?" /Д - 209/.

Элегии на смерть жены поэт пишет и в последующие годы. Траурная тема продолжается и развивается. В стихах нет однообразия, в них широкий спектр чувств и раздумий. Одно из лучших стихотворений - овеянная глубокой печалью газель "O, как жестока боль разлуки с тобой!":

<p>توی دهر وون وه خار نیستی و تر پریشانه دل وه له تیهی ه سره ندا کیسه ن هونه صیلان شیوهی نه برزی توشی شیوه ن سه و زلف و پتو پروت موزون و یادم سهیرشان نازار بنایب چه مه ن نه و دیدهی مه ستت نهید خال نا آت</p>	<p>دووریت دیارن چه نده صایب پریشانه له برچی بودینون شیوهی تو نیست ن له راهه نه و بتر حاتم پ شیوه ن نه سه و پراهم نه بر تو دلک دم شما وونه رسی وه نه دوشی چه ن ناد مار تو به ویرتم نه که کی با آت</p>
<p>ساقمیا جاما دوسی نینش طارنه</p>	<p>مطربه مقامی دوردم ناچارن</p>

O, как жестока боль разлуки с тобой!
Сердце исколото шипами страданий.
Куда ни гляну - вижу одно - тебя,
Сердце, как волочильная доска, наматывает на себя скорбь и боль.

Взойдет на небе молодой месяц - в душе смятенье,
Он - как изгиб твоих бровей.
Нет покоя ночной порой, нет отдохновения днем -
Ночь вызывает в памяти твои кудри, день - твое лицо.
Самшит, нарциссы, луговая фиалка - что ни увижу,
Самшит напоминает твой стан, нарциссы - твои темные глаза,
фиалки - твои пленительные родинки.
... Так пой, певец, - боль неисцелима,
Дай чашу вина, виночерпий, любимая ждет меня!

/Д - 234-236/

Элегии Маулави на смерть жены следует отнести к категории философской лирики. В строках этих стихов - стремление поэта проникнуть силой разума за черту земного существования, осмыслить пределы жизни и таинство смерти, принять predeterminedность веч-

ных разлук с любимыми. Поэт выражает традиционные для курдской классической поэзии идеи суфийского пантеистического мировоззрения, в котором любимая – бог, а бог растворен в природе, тождествен ей. Мы находим в этом цикле стихов Маулави технические термины суфийской лирики: *صوتاج* (мелодия), *طرب* (певец), *ساته* (виночерпий), *جام* (чаша), *جیلوه* (эманация), *مهال* (божественная красота), *کرمان* (совершенствование).

Под пером большого художника эти господствовавшие в его время суфийские представления воплощаются в образах живых, по существу глубоко реалистичных. Поэт воспринимает жизнь в движении, в бесконечных сменах ее материальных проявлений, в их гибели и возрождении. Главная мысль этих траурных философских элегий: земная смерть не означает полного исчезновения, образ возлюбленной – ее красота во множестве эманаций (джильво) – нетленна, широко разлита в природе, она – перед глазами любящего:

ئای پی جیلوهی دۆسی نیجا نیت فییه تا
 ئارۆیه ک جیلوه شی ها نه رودی لاردا

Эманациям любимой нет предела.

Сегодня существует одна эманация, завтра другая.

/Д - 209/

Вот строки из газели "Твоя смерть, как буря горя, в моем сердце":

ئو با لاه صیره و خان و زولف لیل
 تو می سر و گوئل و دت و ش و سو نیول
 شانا شی با خندان نه مهل و نه توئی گل
 تادیاه نر قه یسی و نه سودارا بو
 نه کام و نه صارا چه نه نه نارا بو

... Стан, лицо, родинки и кудри Лейлы,
 Как семена кипариса, роз, фиалок и базилика.
 Садовник смерти берегает их в земле,
 Дабы – было бы у Кайса терпение, –
 Он дождался, что однажды, в одну из весен
 Все возрастит он и украсит землю.

/Д - 387-389/

Художественные образы в этом лирическом цикле не традиционны, конкретно-реалистичны.

Например:

خیل خانای مه نه ت به ندر ناما و شیه ن
 و نه صه مخمی دلد استوها و سا و فیه ن
 هیچ به ندر نه بو پای به لای پیوه

یا نه : ئیسم دیره‌ی دل دیزانه‌ی ویت
نه بیخ ناوداره ئینو له نیت

Караван печали так много ходил по /Горным тропам/ моего
сердца,

Что они стерлись и превратились в кремль.

Ноги горя уже не в силах удержаться на них...

/Д - 388/

Или:

Ныне глаза моего сердца, любящего тебя без предела,

Ищут тебя в глубине моих слез...

/Д - 56/

Стихи чрезвычайно мелодичны, отмечены особой звуковой организацией. Вот пример: в приведенном выше четверостишии "Ты сказал мне..." /Д - 202/ корень х а л встречается семь раз, создавая высокоценную в курдской поэзии "игру звуков". Сонорные звуки в цитированной газели "О моя душа, опьяненная вином любви" /Д - 205/ создают изящную, ласкающую мелодию:

Дылай дыл ва май мэйли Лэйле кэйль

Махрам ва разан халветханей Лэйль

Этим лирическим циклом Маулави ввел в курдскую поэзию высокий образ любви – не абстрактный образ кумира, традиционный для классической поэзии, а живой образ реальной женщины, жены. Имя Анбар-хатун вошло в курдскую литературу эталоном верности в любви. Современные курдские поэты Фархад Шакали, автор этих строк, Хама Саид, Мухамед Хама Баки и другие видят в этой воспетой Маулави любви национальный символ безраздельной преданности родине, своему народу.

ملا عبد الكريم موده پيس . ديواني مولودي . بغداد ، ١٩٦١ .

1. Мулла-Абдуль Карим Мударрис. Диван Маулави. Багдад, 1961.
عبدالکریم مودعی . دیوانی موله کوردی . بغداد ، ١٩٦١ .
2. Аладин Саджади. История курдской литературы. Багдад, 1971, с. 299.
3. Ма'дум – Несуществующий, литературное имя поэта Маулави.